

МЕСТО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
В УЧЕБНОЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ*

Я должен начать с того, что положение классической филологии на факультете внутренне противоречиво. С одной стороны, является несомненной жизненно важная роль античного наследия в культурном прогрессе современности, а именно классическая филология держит в руках ключи от этого наследия, и, следовательно, на классическую филологию ложится ответственная миссия. Это бесспорное положение можно было бы развить подробно, но здесь мы должны обсуждать методические вопросы, а не, как сейчас говорят, культурологические.

Сейчас нужно сказать о том, что эта важнейшая роль классической филологии вступает в противоречие с невозможностью существенного увеличения удельного веса античных предметов на факультете «в численном выражении»: едва ли было бы полезно увеличение числа студентов классического отделения, едва ли целесообразно увеличение курса латинского языка на всех специальностях.

Вопрос заключается в том, как поднять значение классической филологии на факультете без существенного экстенсивного роста, в порядке интенсификации нашей деятельности. Все рассуждения по этому вопросу должны начинаться с того, что знания и навыки, предлагаемые классической филологией, ценны не столько сами по себе, сколько тем, что делают более глубоким взгляд на проблемы, связанные с собственной специальностью человека или даже прямо с жизнью.

Возьмем конкретный пример. Мы классики, конечно, ликуем, если студент или даже школьник прочел «Илиаду» Гомера, и она ему понравилась. Но что же дальше? В действительности наш скромный курс античной литературы выполнит свое назначение только для того студента, который, дойдя, скажем, до Гете и, услышав или прочитав о том, что поэма «Герман и Доротея» никак не может считаться полной удачей гениального поэта, сразу вспомнит

* Доклад А. И. Зайцева примерно 1985 г. Публикуется впервые (название дано ред. кол.).

© А. И. Зайцев, 2004

о том, что шаг от Гомера к Вергилию уже знаменовался не только приобретениями, но и потерями. Впечатления от античной литературы должны включиться в общую проблему судеб героической эпической поэмы в разных исторических условиях, вплоть до изучаемого историей советской литературы отражения в поэзии Великой Отечественной войны. Если при осмыслении всех этих вопросов студент или исследователь забывает свои знания и впечатления от античной литературы, это значит, что он изучал ее напрасно.

Возьмем преподавание латыни: допустим мы научили студентов французской специальности, что *laborare* значит «работать». Он уже знает или узнает, что по-французски *labouger* значит «пахать». Что дальше: хороший вариант — студент подмечает, что произошло сужение значения; еще лучший — настраивается на то, что и в других случаях трансформации латинского слова во французское может произойти нечто аналогичное; затем ждет, что же окажется в старофранцузском и т. д. Наконец, идеальный вариант: обратит внимание на то, что в современном русском городском просторечии глагол «пахать» расширяет свое значение и превращается в экспрессивный синоним глагола «работать» — если так, то занятия латынью помогли формированию лингвистического мышления. А как может быть в других случаях: зачастую латинский глагол *laborare*, даже если преподаватель указал на французскую параллель, остается где-то в отдельной камере сознания без всякой связи с остальным его содержанием и притом чаще всего только до экзамена. А может быть и еще худший случай: читая французский текст, студент переведет *labouger* как «работать». Вместо переноса, к которому мы стремимся, получится нами же спровоцированная языковая интерференция. Почему?

Дело заключается прежде всего в различной степени способности индивидов к переносу полученных знаний и навыков на другую область. Как настойчиво утверждают психологи, способность к переносу в известной степени определяется природными задатками. Обучение до школы и в средней школе может ее до некоторой степени развить, но может и заглушить. Но эта способность к переносу, абсолютно необходимая для плодотворности обучения нашим предкам, очень важна для любой филологической специальности.

Это значит, что жизненно необходимо то, что нужно факультету в целом: коренное улучшение работы средней школы и приемной комиссии факультета, которая должна пропускать на факультет только действительно способных абитуриентов; в частности, спо-

способность переноса выявить в ходе экзаменов нетрудно. Учить португальскому или сербскому языку малоспособного человека — это каторжный и малоэффективный труд; учить его латыни и античной литературе — это мартышкин труд и дармоедство.

Но сегодня и завтра мы должны работать со всеми студентами, одаренными и малоспособными, любознательными, ленивыми или прагматически устремленными только на непосредственно нужные на будущем рабочем месте знания.

О ленивых я скажу в конце, а сейчас пара слов об одаренных и любознательных, для них предназначены факультативные занятия. К сожалению, в течение ряда лет проводится или проводилась линия на ликвидацию таких занятий. Эта линия — очевидно пагубная. Университет должен давать массу полноценных специалистов, но он же обязан по любой специальности [готовить] хотя бы единицы людей, которые вели бы за собой науку. Обе задачи жизненно важны. Но для подготовки кадров наивысшей квалификации факультативные занятия абсолютно необходимы.

Перехожу от общего к частному, к классической филологии. Для полноценной работы филологического факультета необходимы систематические факультативные занятия, прежде всего латинским и греческим языком, построенные так, чтобы способный и усердный студент мог самостоятельно использовать соответствующие знания в последующей научной работе. Кто может отрицать, что среди русистов должно быть некоторое количество людей, которые бы могли самостоятельно работать с греческими текстами Малалы или Василия Кесарийского? Разве можно допустить, чтобы среди англистов не осталось людей, которые чувствовали бы себя как дома среди древнеанглийско-латинских глосс: а для того чтобы полноценно работать с ними, надо перечитать сначала по-латыни Цезаря и Вергилия, Орозия и латинскую Библию. Я уже не говорю о романистах, о литературоведах, занимающихся Ренессансом. Кафедра русского языка организует такие занятия из года в год: их надо узаконить раз и навсегда и сделать общефакультетскими. Такие же занятия необходимы и по латинскому языку: тогда элементарные курсы латинского языка перестанут быть тупиковыми для тех, кто стремится по-настоящему использовать латынь в своих занятиях специальностью, и таким людям не придется проситься на занятия студентов классического отделения. Представляется также, что немаловажное место на филологическом факультете мог бы занять постоянно действующий общефакультетский спецсеми-

нар по античной культуре и ее европейскому наследию, в котором могли бы заниматься и студенты-классики, и студенты других отделений. Все, что я говорил до сих пор, звучит (мне, по крайней мере, так кажется) возвышенно, хотя и реально осуществимо.

Но я собирался сказать несколько слов о роли классической филологии по отношению к студентам нерадивым. Она и здесь очень важна: к сожалению, воспитательная работа всегда и везде не может ограничиваться одним убеждением: методы понуждения представляют собой неизбежный компонент нашей работы. Говоря конкретно, к нам приходят на факультет немало молодых людей, которые надеются провести у нас пять лет не утруждая себя и затем получить диплом. В организации коллективного отпора такого рода поползновениям немаловажную роль должны сыграть филологи-классики. Латынь, как показано многолетним опытом, сама собой в голове не укладывается даже у очень способных людей. Студенты филологического факультета сталкиваются с латынью на младших курсах и наша, филологов-классиков, святая обязанность вместе с коллегами всех специальностей немедленно показать студентам, что в учебном плане не может быть ни одного, ни одного предмета, преподаватели которого позволяют студентам превращать занятия в фикцию. Доказывая студентам, что попытка заучить литературный перевод плохо понятого латинского текста заканчивается на экзамене тройкой, мы внесем свой вклад в исключительно важную задачу укрепления учебной дисциплины. И здесь очень важную роль играет курс античной литературы. Он читается в первом семестре. Это первый литературный курс, по которому нужно читать довольно много памятников. В этом отношении он обременительнее для студентов, чем русский фольклор и древнерусская литература. И здесь мы, классики, должны показать студентам на деле: основой курса является чтение памятников, без которого лекции и учебник скорее даже вредны, чем бесполезны. До кого не доходит это самоочевидное утверждение, кто пытается создать ответами по учебнику видимость знания литературы, перед тем должен с железной непреклонностью зажигаться красный свет на первой же зимней сессии. Кое-что в этом направлении наша кафедра уже предприняла в этом году. Мне кажется, что таким образом мы существенно облегчаем дальнейшую работу кафедр зарубежной, русской и советской литературы, которым остается перенять от нас эту своеобразную эстафету требовательности.